

Война и мир Петра Великого

Е.В. Анисимов

Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук

Цель статьи состоит в анализе планов Петра Великого, связанных с укреплением России на берегах Балтийского моря. Автор уделил внимание возникновению замысла выхода к Балтийскому морю, проследил этапы его осуществления. Было исследовано, как по ходу Северной войны 1700–1721 гг. менялись условия мира, предлагавшиеся российской стороной, как эволюционировали идеи Петра I по достижению желанного мира.

В статье показано, что после «конфуза под Нарвой» в ноябре 1700 г. и первого успеха Б.П. Шереметева у Эрестфера в декабре 1701-го в 1702–1709 гг. ведение военных действий и дипломатические усилия России направлялись исключительно на удержание выхода к морю. Создание Санкт-Петербурга, перенос в него столицы, строительство оборонительной системы в устье Невы – всё это преследовало цель закрепить устье Невы за своей страной. Россия была согласна на заключение мира, по которому получала лишь старые русские провинции Ингрию и Карелию. После победной Полтавы 1709 г. начался новый этап борьбы за приемлемый для России мир. Аннексия Лифляндии, Эстляндии, временная оккупация Финляндии – все эти завоевания также были подчинены главной идее, ради которой Россия начала войну: удержанию и обеспечению безопасности выхода к морю.

При этом Россия постоянно выказывала готовность заключить мир, но все её попытки были отвергнуты шведами, у которых расставание с имперскими амбициями проходило весьма болезненно. Десятилетняя эпопея жёсткого принуждения Швеции к миру закончилась разорением русской армией части собственно шведских территорий и вынужденным согласием шведов на мир. Ништадтский мир 1721 г. не только закончил войну, он стал исходной точкой необыкновенного развития имперского воображения Петра, выхода России на мировую арену как империи – самодержавного государства, опасного для соседей и активно участвующего в непрекращающемся разделе мира.

Ключевые слова: Северная война 1700-1721, Пётр I, Карл XII, Санкт-Петербург, Аландский конгресс, Ништадтский мир, выход к морю, имперское воображение

УДК: 94, 327

Поступила в редакцию: 15.10.2021

Принята к публикации: 03.11.2021

Пётр I начал Северную войну осенью 1700 г. осадой шведской крепости Нарва. В научной литературе нет единой точки зрения на то, почему война для России началась именно с Нарвы. По мнению многих историков (наиболее типичны в этом смысле работы Р. Виттрама (Wittram 1963)), Нарвский поход был прямо нацелен на захват Лифляндии (Ливонии), вопреки расчётам короля Августа II и его советника Иоганна Рейнгольда Паткуля. Известный славист В.Д. Корольюк считал наоборот: это Паткуль настаивал на том, чтобы русские двинулись именно под Нарву (Корольюк 1952). Несомненно, саксонская сторона и Паткуль, представитель лифляндского немецкого дворянства, первоначально хотели, чтобы Пётр с его армией присоединились в качестве вспомогательной силы к осаде Риги, которую с декабря 1699 г. вёл Август II. Но это оказалось невозможным не только потому, что выдвижение русской армии запоздало – саксонцы раньше сняли осаду Риги, но и потому, что Пётр хотел действовать на собственном театре военных действий, и тем самым помочь союзнику, отвлекая от Риги находившиеся в Лифляндии и Эстляндии неприятельские силы¹. Театр этот уже оговаривался в союзном договоре с Саксонией от 11 ноября 1699 г.: «провинции Ижорская и Корельская»².

Поначалу И.Р. Паткулю, политику проницательного ума, казалось, что участие России будет второстепенным, вспомогательным, и её нельзя подпускать к Нарве – ключу к Эстляндии, Ингерманландии и Карелии. Но война пошла не по сценарию Паткуля и Августа II. Попытка саксонцев в декабре 1699 г. сходу взять Ригу провалилась, а к длительной осаде они оказались не готовы. Август II, будучи польским королём, не сумел поднять Речь Посполитую на войну со шведами.

В итоге в конце июля 1700 г. саксонцы отошли от Риги. Потерпевшая к тому времени поражение и связанная условиями Травендальского мира 1700 г. Дания была уже бессильна помочь своим партнёрам по Северному союзу. И в этой ситуации успешное взятие русскими Нарвы уже не казалось Паткулю опасным. Более того, после отхода саксонцев от Риги он писал: «...мы слабы, помощь царя нам необходима, и Швеция немало ослабнет, потеряв Нарву. Следовательно, мы не должны торговаться с царём, чтобы не раздражать его», только нужно добиться от него согласия на передачу завоёванных им территорий Августу II (Устрялов 1863: 6), что Пётр сначала охотно и многократно обещал.

Шведские военные историки – авторы коллективного труда о походах Карла XII, считают, что главной целью Петра в 1700 г. было овладение Ингрией, что, глядя на карту, он понимал: земли, заключённые между Ладогой, Невой, Финским заливом, рекой Наровой и Чудским озером, защищены с двух сторон –

¹ Гизен Г. 1787. *Журнал государя Петра I с 1695 по 1709*. Туманский Ф.О. Собрание разных записок и сочинений. Санкт-Петербург. Ч. 1.

² *Письма и бумаги императора Петра Великого*. 1887. Санкт-Петербург. Т. 1. С. 304-310.

Ниеншанцем (шв. Nyenskans) и Нотебургом с одной, и Нарвой – с другой. Таким образом, операция против Нарвы была, по их мнению, хорошо продуманным первым шагом к завоеванию Ингрии, так как взятие Нарвы прерывало сухопутную связь между Финляндией и Восточной Прибалтикой (Походы Карла XII 2014: 58). Иначе говоря, поход к Нарве, по их мнению, укладывался в главный стратегический замысел Петра – выйти к морю.

С этой точкой зрения я полностью согласен. Проследить, как Пётр отстаивал свой замысел – закрепиться на Балтике, как, по ходу Северной войны, менялись условия предлагаемого Петром мира, и какие механизмы лежали в основе эволюции идей Петра по достижению желанного мира – цель данной статьи.

Причины Северной войны 1700–1721 гг.

Как известно, в русских документах начала Северной войны фигурировали две главные причины объявления военных действий против Швеции. Первой был так называемый «Рижский инцидент», когда во время посещения Риги весной 1697 г. инкогнито Пётр был оскорблен действиями шведской администрации, не позволившей ему познакомиться с системой рижских укреплений. Второй причиной объявлялось желание Петра вернуть переданные за деньги и военную помощь в начале XVII в., так называемые «отчины и дедины», т.е. земли предков – территории Ингрии и Карелии. Их принадлежность Швеции была подтверждена рядом русско-шведских соглашений, причём в ноябре 1699 г. Пётр, перед лицом шведского посольства, прибывшего с ратификационной грамотой нового короля Карла XII, передал подтвердительную, «докончальную» грамоту, в которой клятвенно подтверждал соблюдать «верно, крепко и ненарушимо» условия Кардисского «вековечного» мира 1662 г. и других русско-шведских договоров о границе³.

Кстати, это обстоятельство вызывало особое возмущение заклятого врага Петра короля Карла XII, считавшего царя клятвопреступником, который к тому же прислал в Швецию посольство кн. А.Я. Хилкова с обманным объявлением якобы о предстоящем прибытии в Стокгольм Великого посольства с ратификационной грамотой о нерушимом мире.

В указе от 19 августа 1700 г. причиной войны со Швецией выставлялись «Свейского короля [Карла XII – Е.А.] за многия его к нему, Великому государю, неправды и что во время, Его, государя, шествия чрез Ригу от рижских жителей чинились ему, Великому государю, многия противности и неприятства», поэтому велено войскам «идтить на его, свейскаго короля, города»⁴. Об «отчинах и дединах» речи в указе не шло. Лишь в циркуляре русским послам за границей от

³ ПБП. 1887. Санкт-Петербург. Т. 1. С. 310-317.

⁴ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). 1830. Санкт-Петербург. Т. IV. С. 74-75. Т. IV. С. 74-75.

18 ноября 1700 г. об этом было ясно сказано в расчёте на иностранную публику: «Шведский трон, который умело применял принцип "Vivitur ex raptu" ("жить грабежом") ко всем своим соседям, отторг от царя эти провинции [Ингрию и Карелию – Е.А.], воспользовавшись в начале века в Московии внутренними волнениями». Тем самым Россия имеет право денонсировать все прежние договоры со Швецией (Северная война... 2009: 57-58).

Если первая причина символизировала личную обиду государя, нанесение которой требовало не извинений (которые шведы и принесли, не желая войны (Бантыш-Каменский 1902: 206)), а отмщения, то вторая причина может быть понята с учётом национально-ментальных факторов.

По мнению автора статьи, для русского национального сознания пространство всегда играло особую роль. Бескрайнее пространство, огромные размеры территории страны – предмет гордости россиян, они сливаются с эмфатическим понятием «простор», связываются с представлением о вольности, свободе, об отсутствии ограничений и стеснений. Расширение пространства кажется естественным и даже необходимым для полноты национальной самооценки. Подобно американскому движению на Запад, непрерывное расширение территории рассматривается как Manifest Destiny («Предопределение судьбы»). Напротив, потеря даже небольшой части этого пространства в русском сознании оборачивается болезненной, горькой утратой или, как тогда писали, «потерькой», и хоть она маленькая в сравнении с огромной страной, но её непременно надлежит восполнить. Так было с отошедшими к Швеции в 1617 г. территориями новгородских пятин. В принципе, выдвигание этой причины в 1700 г. как основания для войны отвечало на запрос национального сознания, давало правителю карт-бланш на любые действия, обеспечивало обществу психологический комфорт перед лицом возможных испытаний и неизбежных жертв. Впоследствии всё это синхронизировалось с началом экспансии Российской империи, оформлявшей новые территории как «присоединение» или «возвращение» некогда утраченных земель.

Однако, начиная войну и заявляя об этих причинах, Пётр руководствовался, по существу, совсем иными соображениями: в 1695-1696 гг., воюя с турками, Пётр рвался к морю, не помышляя о «дединах и отчинах» на Балтике, да и в ходе Северной войны он был готов отдать шведам несравненно более важные «дедины и отчины» только ради сохранения за Россией Ингрии и Петербурга, который для него символизировал выход к морю.

Именно выход к морю был контрапунктом всей стратегии Петра, истинной, пусть зачастую и скрытой, причиной всех военных и мирных усилий царя на протяжении Северной войны, главным мотивом строительства Петербурга на непригодном для жизни людей болоте, а также причиной беспрецедентного в мировой истории официального переноса столицы (1712 г.) на территорию чужого государства за девять лет до заключения мира, по которому эти территории отошли к России (1721 г.). Отметим, забегая вперед, что это обстоятель-

ство стало одной из причин столь мучительного для противников затягивания войны – шведам было тяжело смириться с этим фактом.

В стремлении Петра к морю отразились присущие ему идеи и чувствования, составлявшие суть его идеологии, сформировавшие его психику и государственное поведение. Нужно учесть характерный для Петра изначальный юношеский романтизм, связанный с морем, то, что у португальцев называется *vento do mar* (ветер моря), который неудержимо влёт их в океан. В одном из писем в 1706 г. Пётр сетовал, что мало в стране таких молодых людей, кто бы, «оставя в компаниях забавы, своею волею шуму морского слушать хотел»⁵. Выход к морю для Петра воплощал ещё и разрыв с ненавистной ему старой Россией, со страхами его детства и юности, проведёнными в Москве, и начало новой счастливой жизни – недаром скромный посёлок, каким был вначале Петербург, он называл «парадизом», а в письме А.Д. Меншикову из Санкт-Петербурга от 29 ноября 1709 г., не боясь кощунства, писал: «...не имею, что из сей святой земли писать, только что всё, слава Богу, здорово»⁶.

Для его сознания, освоившего начала картезианства и культа опытного знания, к тому же пропитанного образами барокко, плавание в открытом море на построенном лично корабле (а царь был хорошим кораблестроителем и моряком) было символом не только преодоления слепой стихии с помощью создавшего корабль разума, но и покорения архаичной сухопутной России.

Далее. Он, с юности влюблённый в Голландию, видел в этой стране образец того, как с помощью торговых портов, бороздящих океаны кораблей, торговли можно достичь завидного процветания. В желании обрести Пристань (в этом ёмком для того времени слове подразумевались гавань, приморский город-порт) воплощалась мечта Петра-меркантилиста, который хотел обогатить за счёт коммерции и мореплавания свою страну, удачно расположенную на пути между Востоком и Западом. Увлечённый анатомией, Пётр нашёл такой образ Пристани: «...через сию артерию может здоровое и прибыльное сердце государственное быть»⁷. Без выхода к морю создать Пристань невозможно, как невозможно построить основу могущества страны без создания военно-морского флота – того, чем гордится остров «лучшей, красивейшей и счастливейшей из всего света»⁸ – так Пётр называл Англию – вторую страну, которую он любил не меньше Голландии. Всем этим и объясняется движение русской армии к Нарве, а потом к берегам Финского залива.

⁵ ПБП. 1912. Санкт-Петербург. Т. 6. С. 85-86.

⁶ ПБП. 1950. Москва – Ленинград. Т. 9. С. 469.

⁷ ПБП. 1893. Санкт-Петербург. Т. 3. С. 30-31.

⁸ Гизен Г. *Журнал государя Петра I*. Т. 1. С. 67.

Мотивация поиска мира

Желанием выйти к морю и закрепить его побережье за Россией объясняется и упорный поиск Петром мира на протяжении всей Северной войны. Впервые условия, на которых Россия соглашалась мириться со шведами, были высказаны канцлером Ф.А. Головиным в письме от 5 февраля 1701 г. кн. П.А. Голицыну, посланному в Вену искать мирного посредничества у Австрии: «...по последней мере удержать Канцы на реке Неве в нашей стороне» (Устрялов 1863: 78-80), хотя тогда, в 1701 г., до взятия Ниеншанца было ещё почти два года! В тот момент имперское воображение Петра было скромным, он не думал о захвате других шведских прибалтийских земель и в 1700–1704 гг. искренне обещал союзникам «ни пяди земли не искать в Эстляндии и Лифляндии», «ни единой деревни шведской подлинной себе удержать не изволит», только «чтоб отечественные <...> земли [т.е. Ингерманландия и Карелия – Е.А.] недвижно при нём остались»⁹.

Искренность этих уверений подтверждает то, как русская армия начиная с 1701 г. безжалостно и жестоко разоряла Эстляндию и Лифляндию: города и мызы беспощадно жгли, скот и имущество грабили, а уцелевших людей угоняли и продавали в рабство (примечательно, что этот полон называли по-татарски «ясырем» (Устрялов 1863: 124)). Особенно страшным был поход фельдмаршала Б.П. Шереметева в Южную Эстляндию и Лифляндию летом 1702 г. Целью разорения было стремление затруднить возможное контрнаступление шведов, «дабы неприятелю пристанища и сикурсу своим городам подать было невозможно»¹⁰. Напротив, мародёрство солдат корпуса воеводы П.М. Апраксина, действовавшего на территории самой Ингерманландии в 1701–1702 гг., Пётр осуждал: «А что <...> разорено и выжжено, и то не зело приятно нам, о чём словесно вам говорено, и в статьях положено, чтоб не трогать»¹¹. Это понятно: Петру нужны были эти территории нетронутыми войной для освоения устья Невы.

В октябре 1702 г. штурмом был взят Нотебург (Орешек), 1 мая 1703 г. сдался Ниеншанц, и в ночь с 1 на 2 мая на военном совете было решено основать на Заячьем острове крепость Санкт-Питер-Бург. Она стала сердцевиной города, получившего в июне 1703 г. такое же название. Так был осуществлён выход к морю. Теперь нам трудно представить, сколь жизненно важен был для Петра выход России к морю. За полгода до сдачи Ниеншанца, в декабре 1702 г., во время празднования взятия Нотебурга Пётр признался прусскому посланнику Г.И. Кейзерлингу, что «должен взять Ниеншанц будущей весной, а иначе жить не стоит» («...oder er wolte nicht leben») (Bushkovitch 2001: 234). Символичным ста-

⁹ ПБП. 1893. Санкт-Петербург. Т. 3. С. 30-31, 577.

¹⁰ ПБП. 1889. Санкт-Петербург. Т. 2. С. 79.

¹¹ Там же. С. 60–61, 355.

ло и переименование взятых шведских крепостей: Нотебург назван Шлиссельбургом («Ключ-городом»), а Ниеншанц стал Шлотбургом («Замком-городом»). Об этом можно было догадаться задолго до падения Ниеншанца: во время празднования в Москве Нового 1703 года на транспаранте фейерверка был изображен бог Марс, который в одной руке держал ключ, а в другой – замок. Над плывущим кораблем светился девиз: «Желание его исполнится» (Васильев 1960: 30-31).

Девиз оказался пророческим: первые слова, которые написал Пётр в начале мая 1703 г. после взятия Ниеншанца своим сподвижникам, были: «Желаемая морская пристань получена»¹². Сподвижники отвечали ему в той же восторженной тональности: «...город Канцы: пристань морская, врата отворенныя, путь морской». Так писал Т.Н. Стрешнев, но ни он, ни другие подданные Петра ещё не знали, что царь задумал построить на месте выхода к морю свою Пристань и одновременно новую столицу. Пётр уже в 1704 г. называл в своей переписке первое поселение на берегу Невы «столицей»¹³. Примечательно, что упомянутый выше Г.И. Кейзерлинг сразу оценил по достоинству взятие Нотебурга и, поздравляя Петра, писал: «Завоеванием этой крепости вы приобретёте гавань на Балтийском море»¹⁴. Эта мысль приходила в голову многим, взглянувшему на карту и оценившим реализацию неожиданного и изящного стратегического замысла Петра, расклевшего шведскую систему обороны и вышедшего к морю.

Важно подчеркнуть непоказное миролюбие царя: в тот момент Пётр был готов немедленно прекратить войну и остановиться на достигнутом. Но это оказалось нереальным – противник на мировую не шёл.

Впрочем, подобное развитие событий (естественно, без проекта переноса столицы) осознавали и даже предвидели в Стокгольме задолго до начала Северной войны. В мае 1697 г. скандальный проезд Петра через Ригу обсуждался в Стокгольме на заседании Государственного совета. Президент Королевской канцелярии Б.Г. Оксеншерна, докладывая об этом, сказал: «Разумеется, у царя весьма обширные планы, которые очень хорошо видны во всех его действиях», что царь хочет вернуть России провинции, которые она была вынуждена уступить Швеции. В Госсовете не приуменьшали опасность со стороны России, правитель которой проводит реформы внутри страны, проявляет дипломатические инициативы. Всё это, по мнению высших должностных лиц Швеции, делает «богатую ресурсами Россию крайне опасным противником» (Аскер 2009: 366-367). Но укрепить оборону заморских провинций шведы не успели, так что в начале военных действий слабые группировки шведских войск, размещённые

¹² *История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого)*. 2004. Составитель Майкова Т.С., под общей ред. Преображенского А.А. Москва. Вып. 1. С. 231.

¹³ *ЛБП*. 1893. Т. 3. №725. С. 161-162.

¹⁴ Путья А.А. 1880. Вопрос о прусском союзе в первую половину Великой Северной войны. *Сб. Московского главного архива МИД*. Москва. Вып. 1. С. 119.

в Финляндии и Эстляндии, не смогли остановить движение резко усилившейся после Нарвы русской армии к морю. Впрочем, Карла XII, поглощённого тогда польскими делами, погоней за Августом II, шведская драма в устье Невы не смущала: он полагал, что неизбежное в ближайшем будущем повторение нарвского разгрома русских войск приведёт к наказанию вероломного соседа и к непременному возвращению Ингерманландии под власть Швеции.

Иначе на это смотрел Пётр. Для него основание Санкт-Петербурга (топонимический синоним выхода к морю) стало главным, переломным событием в войне со шведами – подчёркиваю: не победная Полтава 1709 г., а основание Петербурга 1703 г.! Всё, что Пётр делал позже, вращалось вокруг Петербурга – материального воплощения выхода России к морю. Для удержания выхода к морю было недостаточно вымыть сапоги в балтийских водах, нужно было решить три важнейших проблемы. Во-первых, следовало навсегда закрепиться на завоеванном плацдарме, возвести там эшелонированную систему обороны, построить город-крепость, перенести в него царскую резиденцию, словом, сделать геополитические изменения в этой части света необратимыми. Во-вторых, надлежало с помощью оружия добиться если не полной военной победы, то хотя бы такого равновесия, которое вынудило бы шведов сесть за стол переговоров и согласиться подписать мирный договор на условиях уступки отторгнутых ранее у России «отчин и дедин». Наконец, в-третьих, предстояло добиться легитимации завоеваний, признания их международным сообществом, ведущими европейскими державами, что было непросто: появление на Балтике новой, сильной державы с имперскими амбициями и развивающейся экономикой обеспокоило тогдашних «потентатов» – главных политических игроков. Даже Фридрих I, «король в Пруссии», показывавший в отношении России особое дружелюбие, через своего посла в 1703 г. тревожно вопрошал Петра касательно завоеваний России и заведения ею флота. Пришлось его успокаивать, уверять, что цель войны в том, чтобы «отечественные земли недвижно при своём государе остались, и <...> ни единой деревни Шведьской не желает себе, хатя б которыя и взяты были, понеже Его величество всегда сие в памяти имеет, чтоб не быть причиною озлобления всех потентатоф», а флот заводится исключительно для защиты торговых караванов¹⁵.

Книга голландского исследователя Х. ван Конингсбрюгге с характерным названием «История потерянной дружбы» показывает, что даже при весьма дружеских, основанных на экономике, отношениях России и Голландии, столкновение их интересов было неизбежно. Ход мысли в Амстердаме, по мнению автора, был таков: «Поддержав Россию в Северной войне оружием, деньгами и специалистами, голландцы внесли фундаментальный вклад в её победу над Швецией. Так разве русский царь не в долгу перед ними? При таких рассу-»

¹⁵ ПБП. 1893. Т.3. № 624. С. 30-31.

денях забывалось, что государственные интересы могли потребовать от царя совсем иной политики, и что удержать растущую мощь России под контролем было бы трудно <...>. Неизбежным был также рост напряжённости <...> из-за неспособности голландцев понять острую потребность Петра в признании» (Конингсбрюгге 2014: 117-118, 143-144).

В рамках данной статьи нет смысла говорить о решении первой проблемы, лишь отметим, что за счёт огромных расходов и неисчислимых человеческих жертв были построены и мощная система обороны в устье Невы, и сам город на болоте. Решение же двух других проблем встретило массу трудностей. Почти сразу Пётр понял, что без военной победы над Карлом XII выход к морю России не удержать. 10 апреля 1703 г. он писал Августу II, что «его [шведского короля – Е.А.] гордость» можно только «силами преломить» и «сим способом токмо, а никакими иными пути, способной и благополучной мир возможно получить»¹⁶. Позже, в 1708 г., царь писал, что «непрестанную суету» имеет об «исправлении полков по баталии, которая вещь есть надежней всех посланнических дел»¹⁷ (т.е. дипломатии).

Победить Карла XII на поле боя поначалу казалось царю задачей невыполнимой, учитывая полководческий талант короля-воина и прекрасную подготовку его армии. Русской армии предстояло преобразоваться на основе «регулярства», учиться по ходу войны. Поэтому все усилия Петра в ходе военных действий 1705-1709 гг. были направлены на то, чтобы, с одной стороны, пользуясь отсутствием армии Карла XII в восточной Прибалтике, укрепиться в устье Невы; а с другой стороны, при одновременном наращивании мощи своей армии и обретении ею опыта походов и боевых столкновений, постоянно уклоняться от желанного шведам генерального сражения – центрального события всех войн того времени. Пётр очень опасался генерального сражения. В 1704 г. он писал: «...сие дело в ведении точно Вышнего суть, нам же, яко человеком, надлежит ближняя смотреть, кратко рещи, что искание генерального бою зело суть опасно, ибо в один час может все дело опровержено быть»¹⁸. Поэтому при отступлении вглубь России широко применялся «скифский метод» ведения войны, при котором противник шёл по разорённой, сожжённой стране, терпел нужду в провианте и фураже, отбивался от нападений мелких отрядов с разных сторон, терял людей в стычках и фуражировках. Пётр рассчитывал, что «неприятель от дального похода утомитца и в немалое разорение свои войска» приведёт¹⁹.

Тактика Петра в конце концов оправдала себя: движение армии Карла XII на восток, к Москве, было приостановлено и, не дойдя до Смоленска, шведы повернули на юг, на Украину. Этот поворот, как известно, закончился в июне

¹⁶ ПБП. 1889. Санкт-Петербург. Т. 2. С. 150-151.

¹⁷ ПБП. 1948. Москва – Ленинград. Т. 8. Ч. 1. С. 188-189; ПБП. 1951. Москва – Ленинград. Т. 8. Ч. 2. С. 797-799, 808-809.

¹⁸ ПБП. Т. 3. С. 2-4.

¹⁹ ПБП. Т. 2. С. 19-20.

1709 г. победным для России Полтавским сражением. В эти напряжённые годы военного противостояния со шведами Пётр без устали искал пути к достижению мира, который, по его мнению, был бы лучшим исходом в опасной, на грани катастрофы, борьбе с таким могучим и непредсказуемым противником, каким казался царю Карл XII.

С 1703 г., сразу после основания Петербурга, Пётр многократно предлагал шведам мир с одним условием – Ингерманландия переходит к России²⁰. Но король молчал или отвергал предложения России. Так продолжалось из года в год. Не было в Европе посредников, к кому бы ни обратился Пётр в поисках пути к миру: англичане и голландцы, австрийцы и французы, датчане и пруссаки. В первые месяцы 1707 г., когда было известно о твёрдом намерении Карла XII начать Московский поход, Пётр активизировал поиски мира; положение России, оказавшейся фактически в международной изоляции накануне шведского вторжения, было критическим: готовили к подрыву занятые Россией крепости Прибалтики, срочно укрепляли Москву – главную цель противника.

Несмотря на отчаянность ситуации царь, тем не менее, остался верен себе: на вопрос об уступке Ингерманландии однозначно отвечал, что «ни по какому образу того не будет, <...> понеже хуже сего нечему быть»²¹. Об этом Пётр писал, пытаясь завязать через французского посла в Швеции Ж.В. Безенваля переговоры со шведами и был готов торговаться по поводу Нарвы и Дерпта (который, кстати, считался «славным отечественным градом» Юрьевым²², некогда основанным Ярославом Мудрым – в православии Георгием-Юрием), но при непреклонном условии: «А о Питербурхе всеми мерами искать удержать за что-нибудь, а отдачи онога ниже в мысли [не] иметь»²³.

Пётр был готов и к новым, по существу, беспрецедентным уступкам, которые тогда называл «разумными условиями». Английский посланник Чарльз Уитворт сообщал в Лондон, что царь допускает уступку шведами Ингерманландии «за деньги или взамен города Пскова с приплатою некоторой суммы» («... is to keep Ingria for an equivalent either of money alone or of town of Pleskow with some money»)²⁴. То есть Пётр выказал готовность отдать шведам древнейшую «отчину и дедину» – Псков, город, без которого невозможно представить Россию. Несомненно, это высшее свидетельство исключительной важности, которую придавал Пётр выходу в море.

Но Карл XII считал, что переговоры с Петром возможны только при условии полной капитуляции России, возвращения ею всех захваченных территорий и уплате компенсации за их разорение, а также за все понесённые шведами

²⁰ Гизен. Ук. соч. С. 369-376.

²¹ ПБП. 1907. Санкт-Петербург. Т. 5. С. 51.

²² ПБП. Т. 3. С. 104-105.

²³ ПБП. 1907. Т. 5. С. 620-621; ПБП. Т. 6. С. 349.

²⁴ Сборник императорского Русского исторического общества (далее – РИО). 1884. Санкт-Петербург. Т. 39. С. 372-373.

убытки и моральные издержки²⁵. Ф. А. Головин писал в 1704 г. И.Р. Паткулю, что по его данным «...король Свейской zelo упорен и ни о каком мире с Его царским величеством и с королём Полским слышать не хочет, но против обоих свое восприятное намерение до крайней меры исполнить хочет»²⁶, т. е. вести войну до победы. Ни канцлер Головин, ни его государь, жившие в реальном мире международных отношений, в которых поиски компромиссов составляли суть политики, не могли понять Карла XII. Историк Северной войны В.Е. Возгрин по этому поводу писал: «...важен для историка дипломатии сам подход Карла XII к проблеме заключения мира: основываясь на фактах нарушения (с его точки зрения) царём ряда им же данных гарантий, король делал вывод о невозможности любых компромиссных решений, основанных на договорах с Россией, до победы над ней. Отсюда, очевидно, следовал вывод – безопасность Швеции в будущем немислима без разгрома русской армии, замены царя (предположительно, Я. Собеским), возможно, раздела страны на мелкие государства, зависящие от Швеции, и возврата боярской аристократии былого влияния» (Возгрин 1986: 204-205).

Исходя из этих соображений, Карл XII готовил Петру в его же столице участь Августа II, лишённого в 1705 г. польского трона, и не отвечал ни на один из призывов России, упрямо отвергая предложения многочисленных мирных посредников. Предлагая разные варианты мира, Пётр был столь же упорен, как и Карл, в своём непреклонном намерении стоять насмерть ради сохранения выхода России к морю. Английский резидент Д. Джефферис записал в 1719 г. слова вице-канцлера П.П. Шафировова о том, что Пётр «готов продолжить войну ещё 20 лет, чем уступить малейшую часть своих завоеваний»²⁷.

Так возник тупик: достижение компромисса и заключение мира было абсолютно невозможно. Оба монарха из последних сил, изнемогая, стояли 18 лет насмерть на своём, пока пуля из датского фальконета не пробила голову одному из них, да и на этом противостояние двух держав не закончилось...

Был момент, когда на политическом горизонте, казалось, забрезжил рассвет. Зимой 1709 г. на Украине стояли почти полярные морозы, и Карл XII оказался в весьма затруднительном положении из-за того, что вспомогательный корпус генерала А.Л. Левенгаупта был разгромлен Петром осенью 1708 г. под деревней Лесной в Белоруссии. Царь решил воспользоваться затруднительным для шведов моментом и в феврале 1709 г. через пленного шведского обер-аудитора канцлер Г.И. Головкин предложил первому министру короля Карлу Пиперу заключить мирный договор на условии покупки России Ингерманландии (с Петербургом), а также части Карелии. Была высказана готовность Петра купить и Нарву. Царь надеялся, что если не король, то хотя бы его окружение отреаги-

²⁵ ПБП. 4. С. 739.

²⁶ ПБП. 3. С. 557.

²⁷ РИО. 1888. Санкт-Петербур. Т. 61. С. 524.

руют на предложение денег, столь необходимых бюджету воюющей страны, и проявят «министерскую склонность» к миру²⁸. Однако К. Пипер ответил Г.И. Головкину, что король готов заключить мир, но только на условиях капитуляции России и предложение царя воспринимает как насмешку²⁹. Так в очередной раз попытка переговоров сорвалась и 27 июня (28 июня по шведскому юлианскому календарю – действовал в 1700-1712 – и 8 июля по григорианскому календарю) 1709 г. непримиримые противники вышли на Полтавское поле.

«Жёсткое принуждение» Швеции к миру

Блестящая победа под Полтавой обозначила решительный перевес России в войне. Но и тут важно понять, что не сама по себе победа была для Петра важна. Первое, о чём подумал Пётр после победы – это о Петербурге. Он писал Ф.М. Апраксину: «Ныне уже совершенной камень во основание Санкт-Петербурху положен...»³⁰. И тотчас предложил поверженному противнику мир – царь был убежден, что перед лицом удручающей для него реальности Карл XII согласится на переговоры. Но этого не произошло!

В воззвании Петра к шведскому народу 1 августа 1709 г. с горечью говорилось, что сделанные сразу после битвы мирные предложения России были отвергнуты Карлом XII, хотя это было «умеренное и вполне христианское предложение мира на условиях предоставления нам только Выборга и Карелии». Примечательно, что Ингерманландия не упоминается, так как вопрос о ней для Петра окончательно решён: она однозначно принадлежит России. Но, констатирует Петр: «... как мало отзвука со стороны короля и шведского сената получили эти наши достохвальные замыслы» (Флоровский 1959: 361).

После Полтавы Пётр начал стремительно пожирать плоды победы с Полтавского поля: он восстановил Северный союз, в течение 1710 г. ему сдались Рига, Ревель, Пернов, Арнсбург, Эльбинг, Выборг и Кексгольм. Если Кексгольм-Корела относился к «отчинам и дединам», то все остальные города и земли никогда таковыми не являлись. С этого момента в словаре русской дипломатии появляются понятия «возвращённые» (Ингерманландия, или Ижорская земля, и Карелия) и «завоёванные» территории, причём статус последних не был чётко определён, как статус неотторжимых «возвращённых». Новые «завоёванные» территории становятся, по мысли Петра, предметом дипломатического торга во имя удержания «возвращённых». Правда, было сделано два исключения, допуславшие удержание этих территорий (или части их) Россией.

Первое исключение основано на «мотиве компенсации», второе – на «мотиве барьера». Мотив компенсации был впервые продемонстрирован приме-

²⁸ ПБП. Т. 9. Ч. 1. С. 176.

²⁹ ПБП. Т. 9. Ч. 2. С. 856-858.

³⁰ ПБП. Т. 9. Ч. 2. С. 988; Т. 9. Ч. 1. С. 228-231.

нительно к Эстляндии. В начале октября 1709 г. Август II и Пётр I подписали секретную статью к договору о восстановлении союза. Согласно ей, Лифляндия после её завоевания русской армией должна отойти к Августу в наследственное владение, а когда Россия завоюет Эстляндию, то присоединит её на том основании, что Пётр имеет право «за претерпенной от него [неприятеля – Е.А.] в своих землях великой убыток награждение себе, при помощи Вышняго, получить»³¹. После взятия Ревеля в 1710 г. Пётр расширил формулу компенсации – за убытки, понесённые Россией в ходе военных действий, шведы уступают Эстляндию, Выборг, Гельсингфорс с округом, да ещё приплачивают пять миллионов ефимков. Более того, они должны отдать эти территории также за «плодоупотребления <...> во время целого века» доходов с оккупированных с 1617 г. русских территорий³².

Но и это тяжкое, в сущности, неисполнимое для шведов условие не было последним. Серьёзнее по своим последствиям были ясно выраженные царём условия, основанные на так называемом «мотиве барьера». Предполагалось, что при заключении мира из «завоёванных» территорий будет создана зона безопасности вокруг Петербурга («...для безопасения впредь от нападения шведского»). С одной, северной, стороны в эту зону попадал Выборг. 14 июня 1710 г., поздравляя свою сожительницу, будущую императрицу Екатерину с взятием Выборга, Пётр писал: «...уже крепкая падушка Санкт-Питербурху устроена»³³ (теперь бы сказали: «подушка безопасности»).

Второй «подушкой безопасности» становилась уже упомянутая «компенсационная» Эстляндия, а третьей «подушкой» после завоевания Финляндии в 1714 г. был объявлен Гельсингфорс на том основании, что если «Ревель и Гельсингфорс в шведском владении останутся, то и весь фарватер [в Финском заливе – Е.А.] в Санкт-Петербург у них же в руках будет»³⁴. «Укладывание подушки», «возведение барьера», создание «зоны безопасности» вокруг Петербурга стал с тех пор ключевым мотивом в переговорах о мире со шведами. Да и в последующие времена тема создания зоны безопасности вокруг Петербурга-Ленинграда оставалась актуальной для отечественной дипломатии и военных – выдвинутый на границу огромный город, важный экономический центр, да к тому же – столица, был чрезвычайно уязвим для нападения и постоянно требовал особого внимания к проблеме своей безопасности.

Думаю, Пётр понимал, что шведы не согласятся на предложенные условия, означавшие фактическую ликвидацию их империи. Поэтому, как в случае с «самовольным» строительством Петербурга и объявлением его столицей, он приступил к инкорпорации завоёванных территорий, превращая их в части своего

³¹ ПБП. 1956. Москва. Т. 10. С. 458, 775.

³² ПБП. 1962. Москва. Т. 11. Вып. 1. С. 38-39, 79.

³³ ПБП. 10. С. 193.

³⁴ Цит. по: (Фейгина 1959: 222).

государства, ставшего империей задолго до её провозглашения в 1721 г. Сразу же после занятия Риги (а затем и Ревеля) царь принял присягу у жителей Лифляндии и Эстляндии. Дворянству и бюргерам было гарантировано сохранение всех их прежних, бывших при шведах, привилегий, а шведских военнослужащих, попавших в плен, но рожденных в Лифляндии, было предписано освободить из-под ареста, предложив им вступить в русскую армию³⁵. Основание – «лифляндцы и других городов [жители], бывших короны Швецией, взятых чрез оружие российское <...> – те могут назваться российскими подданными»³⁶. У этих офицеров не было выбора: лифляндцы, которые отказывались служить русскому царю, подлежали, подобно русским дезертирам, военному суду «яко бунтовщики»³⁷.

Заняв в 1710 г. Выборг, Пётр также сразу продемонстрировал, что аннексирует его навсегда. Гарнизон Выборга был задержан под предлогом, что пока шведы не возвратят бежавших в Швецию жён и детей выборгских мещан, а также вывезенное ими имущество, гарнизон не будет отпущен. Основание – «гражданин выборгские по капитуляции под владительством Его царского величества обретаются имеют»³⁸. Тем самым Пётр ещё до подписания мирного договора со Швецией признавал жителей завоеванного шведского города своими подданными.

При таком повороте событий прежние поиски мирного диалога со Швецией с позиции равенства сторон завершились. Россия окончательно перешла к политике жёсткого принуждения Швеции к миру, используя все возможные средства давления. Вытеснив шведов с южного побережья Балтики, Пётр с той же целью, но в союзе с датчанами и саксонцами, устремился в шведскую Померанию, и эта цель была вскоре достигнута. С 1713 г. царь приступил к завоеванию Финляндии. В письме генерал-адмиралу Ф.М. Апраксину (октябрь 1712 г.) он назвал Финляндию «титкой Швеции, как сам ведаешь, не только что мяса и прочее, но и дрова оттоль» и рассчитывал экономически надавить на противника, лишавшегося, вследствие потери заморских территорий, половины доходов государственного бюджета. Экономическая блокада должна была, по мысли Петра, привести Швецию к «разорению», и тогда, как писал склонный к образности царь, «шведская шея мяхче гнутца станет»³⁹. К 1714 г. Финляндия была оккупирована, но «наклонить» Швецию таким образом не удалось.

Получалось, что с каждым успехом на поле боя и в дипломатической игре у Петра возникала уверенность, что шведы сломлены и заключение мира на его условиях близко, но вскоре наступало разочарование – шведы не мог-

³⁵ ПБП. Т. 10. С. 645-646; ГСВ. Т. 1. С. 350.

³⁶ ГСВ. Т. 1. С. 350-351.

³⁷ ПБП. Т. 11. Вып. 1. С. 242.

³⁸ ПБП. Т. 10. С. 632.

³⁹ ПБП. 1975. Москва. Т. 12. Вып. 2. С. 197-198.

ли смириться с утратой своей страной имперского статуса, вновь показывали «упрямство», а, в сущности, проявляли стойкость и терпение. Каждый раз они находили внутренние ресурсы для сопротивления, и опять мир для Петра оказывался недостижимым.

Только к 1718 г., во многом благодаря усилиям голштинца Г. Гёрца, фаворита Карла XII, на Аландских островах начались русско-шведские переговоры, но они были бесплодными, ибо Швеция и тогда не была готова во имя необходимого ей мира смириться с огромными территориальными потерями. Но всё же к концу Северной войны, даже до заключения мира, Пётр уже осуществил мечту своей молодости – Россия вышла к морю, и царь наконец-то смог, как писал через сто лет А.С. Пушкин, «ногою твёрдой встать при море». Петербург стал той реальностью, в которой не сомневались даже шведы и в переговорах они уже больше не ставили вопрос о возвращении Швеции устья Невы. Любопытно, что во время обсуждения условий мира в 1721 г. Пётр внёс поправку в шведский проект договора: против места в проекте, где сказано, что Швеция уступает «Ингерманландию с Петербургом», Пётр пометил: «...о Петербурге упоминать не надлежит, ибо оно при их владении не было»⁴⁰. Это к вопросу о том, что шведы считали город своим, незаконно построенным на их территории.

После 1714 г. все переговоры велись преимущественно о судьбе «барьерных» территорий – Эстляндии, Финляндии и Выборга и отчасти Кексгольма. Долгое время в центре был вопрос о судьбе Лифляндии, важнейшей заморской провинции Швеции. На протяжении десяти лет с начала войны Пётр и его дипломаты уверяли Августа II, что Россия передаст Лифляндию в личное владение короля – это было негласное условие заключения Северного союза. В переговорах с Речью Посполитой её право на владение этой территорией, отобранной Швецией в 1620 г., также не ставилось под сомнение.

Но после того как русская армия взяла Ригу, всё переменялось. В мае 1711 г. в беседе с французским посланником де Балюзом вице-канцлер П.П. Шафиров сказал, что шведский король «требует возвращения провинций, которыми царь в настоящее время владеет по праву войны, что это невозможно исполнить по справедливости и вследствие лучшего положения, в котором находится его государь и что, кроме того, он имеет на Лифляндию такие же притязания, как и король и Речь Посполитая»⁴¹. Здесь отчётливо прозвучал традиционный мотив «справедливости сильного», оправдывающий завоевания. Тем самым впервые с начала Северной войны Россия, находившаяся в выигрышном, лучшем, чем Швеция положении, предъявила свои права на Лифляндию. Это выразилось, для начала, как сказано выше, в приведении её жителей к присяге. Правда, на-

⁴⁰ Голиков. *Деяния Петра Великого*. Т. 8. С. 215-216, 218.

⁴¹ РИО. 1881. Санкт-Петербург. Т. 34. С. 68-69.

мерение инкорпорировать Лифляндию (в отличие от Эстляндии), и даже присяга её жителей не закрывали вопроса о её принадлежности после заключения возможного мира.

Дело в том, что Лифляндия длительное время выступала классической разменной картой в геополитических расчётах Петра, который не мог не считаться с мнением великих держав, с тревогой смотревших на быстрое усиление России и расширение её владений. Это сдерживало Петра, особенно когда в лагере противников России оказалась Англия, чей король Георг I был раздражён имперской попыткой Петра внедриться в Германию, разместив войска в Мекленбурге, что создавало угрозу Ганноверу – наследственному владению Георга. Могущество Англии с её прославленным флотом, который входил в Балтику и блокировал русский флот в гавани Ревеля, вынуждало Петра быть осторожным. Он был готов пожертвовать Лифляндией во имя достижения (хотя бы в виде прелиминарного условия), бесспорного признания Швецией и её союзниками за Россией «наследственных земель» (Ингерманландия, Карелия). Пётр был готов принять так называемый Гузумский проект мирного договора, разработанный в Северном союзе ещё в 1712-1713 гг. В этом проекте было зафиксировано признание «дедин и отчин» за Россией и предполагалось, что Лифляндия отходит к Августу II и (или) Речи Посполитой, Рига же объявляется вольным городом (Крылова 1959: 196).

Более того, царь был согласен даже вернуть Лифляндию шведам с условием разрушения там всех крепостей и уступки России (вместо Лифляндии) Финляндии, которая, так же как и Лифляндия, с момента её завоевания в 1714 г. стала разменной картой в переговорах со шведами. При этом Пётр, заняв Финляндию, как сказано выше, для удушения экономики Швеции, имел и другую прагматическую цель – чтобы во время переговоров «было б что при мире (в смысле – при заключении мира) уступить»⁴¹. Позже, в 1721 г., так и произошло.

Переговоры о мире

Проходившая в 1718 г. на Аландских островах русско-шведская дискуссия, инициатором которой был Г. Гёрц, внезапно оборвалась с гибелью Карла XII в конце 1718 г. Гёрц был отозван с переговоров, судим и казнён, а позиция шведского правительства стала жёстче: Стокгольм получил миллион талеров и военно-морскую поддержку из Лондона и уже не соглашался ни на какие уступки.

Тогда для победного завершения войны Пётр решил применить свою «хирросиму» – начать «экзекутивные» десанты на побережье собственно Швеции. Мысль о том, чтобы сломить волю шведов к сопротивлению тотальным уничтожением их городов, деревень и всей прибрежной инфраструктуры Швеции,

⁴² ПБП. Т. 12. Вып. 2. С. 197-198.

пришла ему давно. Ещё в 1716 г., в союзе с датчанами, он планировал подобную операцию в Сконе, но тогда десант не состоялся. Теперь ничто не мешало осуществлению операции устрашения. Как сообщал в Лондон в 1719 г. Д. Джефферис, один из сподвижников Петра сказал ему, что будет сделано всё, чтобы «пламя войны нужно перенести к самой столице Швеции» («...il falloit porter le flambeau de la guerre jusques dans la capitale de la Suède»)⁴³.

Русским галерам с десантом нужно было проскочить от Аландских островов к берегам Швеции, пока в Балтику не вошла английская эскадра и не помешала задуманному разгрому шведского побережья. И хотя Пётр опасался английского флота и своим морякам писал, что при необходимости надо отступить, ибо «от сильного ретироваться стыда нет»⁴⁴, операции прошли успешно, англичане с приходом к шведским берегам опоздали. Дважды (в 1719 и 1720 гг.) русский десант (в 1719 г. – 25 тыс. человек) беспрепятственно высаживался на шведский берег. Солдаты сожгли около 2 тыс. деревень, замков, мыз и городков (около 17 тыс. дворов), десятки предприятий и мельниц, были подожжены обширные леса⁴⁵. Правда обошлось почти без человеческих жертв – прибрежное население поспешно бежало вглубь страны, а экспедиционному корпусу категорически запрещалось брать «ясырь» – позволено было забирать только скот и материальные ценности. Одновременно Пётр давил на шведов жёсткими ультимативными нотами.

Устрашённый видом горящих пригородов Стокгольма (один из русских отрядов оказался в 10 км от столицы) и перспективой нового нашествия, вступивший на престол король Фредерик I предложил провести прямые мирные переговоры в Ништадте.

Парадокс окончания Северной войны состоял в том, что к тому времени Россия уже растеряла союзников и друзей и оказалась фактически в изоляции, как было в 1707 г., после распада Северного союза, когда Пётр был этим страшно удручён⁴⁶. Но в 1721 г. одиночество уже не страшило царя: благодаря радикальным реформам и мобилизации людских и материальных ресурсов Россия резко усилилась. Пётр уже мог не считаться ни с кем на Балтике. По словам Джеффериса, ему говорили в Петербурге, что напрасно Швеция испытывает терпение Петра, так как «он достаточно силён, чтобы принудить их к миру и без посторонней помощи» («...ils sont assez capables par leur propre force d'en tirer une paix selon leur souhaite»)⁴⁷. В одном из писем весной 1721 г. царь в свойственной ему прагматичной манере так выразился касательно угрозы со стороны Англии: «...агличан опасатца нечево, <...> понеже никакой прибыли в том нет им»⁴⁸.

⁴³ РИО. Т. 61. С. 468.

⁴⁴ Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее – АСПБИИ). Ф. 270. Оп. 1. Д. 97. Л. 360.

⁴⁵ АСПБИИ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 90. Л. 491–492; (Ullman 2006).

⁴⁶ РИО. Т. 61. С. 383.

⁴⁷ РИО. Т. 34. С. 68.

⁴⁸ АСПБИИ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 97. Л. 383.

В кругу своих сподвижников он потешался над тем, как грозный англо-шведский флот адмирала Джона Норриса, придя в 1720 г. к берегам Эстляндии, ничего не добился и смог только сжечь сарай и баню на острове Нарген⁴⁹. Пётр полагал, что Швеция напрасно возлагает надежды на английскую помощь и что она, в конечном счёте, останется один на один с Россией. Это и понял новый король Фредерик I, чуждый шведским имперским рефлексиям, морально не связанный обязательствами прежнего правления. Для него, немца из Касселя, вся эта долгая война была уже историей, и с ней нужно было покончить.

Весной 1721 г. Пётр предъявил окончательные условия: в полное владение России отходят Ингерманландия и Эстляндия, а также Выборг «с пристойною бариерою, також и в Карелии город Кексгольм с некоторым дистриктом». За Лифляндию Пётр обещал дать «определённую сумму денег», с рассрочкой на четыре года, причём дипломатам предписано было «торговаться о деньгах», а Финляндию и болотистую часть Карелии, кроме Выборга и Кексгольма, царь был готов вернуть Швеции⁵⁰. Словом, после непродолжительных переговоров в Ништадте осенью 1721 г. Пётр получил всё, что хотел и даже больше, чем мечтал в 1703 году. Ништадтский мир ознаменовал полную и безусловную победу России над Швецией, прежним имперским владельцем Балтики.

Имперские горизонты Петра

Мир принёс России новые территории, легитимизировал её выход к морю, обеспечил законность существования нового города-столицы. Но главным и прямым следствием Ништадтского мира стало провозглашение Российской империи в европейском понимании этого статуса. Важно отметить, что провозглашение империи стало эманацией установившегося при Петре жёсткого полицейского режима самодержавия, непосредственно отразившейся во внешней политике. С тех пор для России стали характерны такие черты имперской государственной репутации (свойственной и другим великим державам того времени), как территориальная экспансия, культ имперской силы и стремление к безусловной гегемонии над соседями. Культ имперской силы должен был наводить страх на соседей империи. И это уже к концу Северной войны было достигнуто. Вице-канцлер П.П. Шафиров писал в «Рассуждении о причинах Свейской войны» (1717 г.): «И могу сказать, что никого так не боятся, как нас» (Шафиров 1987: 548-549). Поддержание страха в соседях, по мнению Шафирова, необходимо во избежание реванша побеждённых (Шафиров 1987: 548-549). Добавим к месту, что распространённый миф о Швеции, которая якобы с времён Полтавы стала сугубо мирной страной, опровергается фактами – дважды: в 1740–1741 и 1788–1790 гг. шведы пытались взять реванш, изменить условия Ништадтского мира

⁴⁹ АСПБ.И. Ф. 270. Оп. 1. Д. 93. Л. 472.

⁵⁰ Голиков. *Деяния Петра Великого*. Т. 8. С. 198-200.

1721 года. Фантомные имперские боли Швеции привели к войне с Россией, которая оказалась реваншистской «партии шляп» ослабевшей из-за внутренних нестроений времен правления Анны Леопольдовны.

При всей жёсткости собственного политического режима Россия уже со времён Петра трепетно заботилась о сохранении политической толерантности в Швеции и Речи Посполитой, выступая гарантом свобод в этих странах, что позволяло России сохранять своё преимущество над ними.

Победа над Швецией привела Петра к мысли о постоянном поддержании культа имперской силы как гарантии безопасности России. Негативным, резко отрицательным примером для Петра была Византия, чьё якобы миролюбие и пренебрежение могуществом вооружённых сил привело империю к гибели («о греческом падении от презрения войны»)⁵¹. В результате имперских побед резко вырос престиж России. Архиепископ Феофан (Прокопович) – теоретик петровского самодержавия, говорил в одной из своих проповедей о волшебном эффекте перемен, происшедших с соседями после победы в войне: «...те из них, которые нас гнушались яко грубых, ищут усердно братства нашего; которые бесчестили – славят; которые грозили, боятся и трепещут; которые презирали – служить нам не стыдятся; многии в Европе коронованные главы в союз с Петром <...> идут доброхотно; <...> отменили мнение, отменили прежния свои о нас повести, затерли историйки своя древняя, инако и глаголати и писати начали; поднесла главу Россия – светлая, красная, сильная, другом любимая, врагом страшная (Феофан (Прокопович) 1760: 115).

Феофан и другие публицисты того времени рисовали новую реальность: созданную с выходом к морю имперскую Россию, распрощавшуюся со своим прошлым – архаичным, слабым. В новой системе международных отношений Россия, поначалу встреченная без восторга за столом великих держав, стала активно участвовать в сколачивании союзов, формировании блоков, коалиций, азартно вела закулисную борьбу по разделу сфер влияния и непрерывно расширяла свою территорию.

Начало этого пути было положено сразу же после Ништадтского мира и провозглашения империи. Поражает масштаб начатых имперских мероприятий Петра: в Петербурге была принята программа строительства огромных, 100-пушечных, кораблей, предназначенных для океанского плавания, продолжились экспедиции с целью проникновения в Среднюю Азию, в 1722 г. начался Персидский поход, занятие, а затем и аннексия западного побережья Каспия, а также двух североиранских провинций, причём у Петра были впечатляющие по масштабам планы их освоения. Не менее грандиозен был план Петра построить новый Петербург в устье Куры, сделав его центром мировой торговли, и для этого хотел организовать (типа Ост-Индской) торговую компанию во главе с аван-

⁵¹ *Законодательные акты Петра I*. 2020. Сост. Н.А. Воскресенский. Москва. Т. 2-3. С. 336.

тюристом Джоном Ло, только что разорившим Францию. Тогда же разрабатывались планы сухопутного похода в Индию (Анисимов 2019: 11). Помимо плана сухопутной экспедиции из Гиляна в Индостан, в 1724 г. Пётр готовил эскадру для завоевания Мадагаскара как базы для броска в Индию. В итоге, Пётр титаническим усилием поставил Россию на имперские рельсы, по которым она и покатила. А всё началось с юношеской мечты о выходе к морю...

Об авторе:

Евгений Викторович Анисимов — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербургский филиал). 197110, Россия, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., д. 7. E-mail: vbrevis@yandex.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 94, 327

Received: October 15, 2021.

Accepted: November 03.2021.

War and Peace of Peter the Great

E.V. Anisimov

[DOI 10.24833/2071-8160-2021-6-81-7-29](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-6-81-7-29)

St. Petersburg Institute of History RAS

Abstract: The article analyzes the plans of Peter the Great related to the consolidation of Russia on the shores of the Baltic Sea. It focuses on the emergence of the idea to gain access to the Baltic Sea and the stages of its implementation. During the Northern War of 1700-1721, Russia's peace conditions changed. The article tries to explain the basis for the evolution of Peter the Great's ideas of achieving the desired peace.

It shows that after the "embarrassment at Narva" in November 1700 and the first success of B.P. Sheremetev at Erstfer in December 1701 in 1702 - 1709, the conduct of hostilities and the diplomatic efforts of Russia were directed exclusively at keeping the outlet to the sea. The creation of St. Petersburg, the transfer of the capital to it, the construction of a defensive system at the mouth of the Neva - all this was aimed at securing the mouth of the Neva for Russia. Russia agreed to the conclusion of a peace, according to which it received only Ingria and Karelia – the old Russian provinces.

After the victory under Poltava in 1709, a new struggle for peace began. The annexation of Livonia, Estland, the temporary occupation of Finland – all these conquests were motivated by the idea for which Russia started the war: keeping and ensuring the safe outlet to the sea. Russia constantly showed its readiness to conclude peace, but Sweden rejected all such attempts because it could not get along with the idea of parting with imperial ambitions. Russia began ten-year-long harsh coercion of Sweden to peace, which resulted in the devastation of a part of the Swedish territories proper by the Russian army and the forced consent

of the Swedes to peace. The Nystad Peace of 1721 ended the war and became the starting point for the extraordinary development of the imperial imagination of Peter the Great. Russia's entry into the world arena as an empire, an autocratic state dangerous to its neighbors and actively participating in the incessant division of the world.

Keywords: Great Northern War 1700-1721, Peter I, Karl XII, St. Petersburg, Aland Congress, Nystad Peace Treaty, access to the sea, imperial imagination, Charles XII, Noteburg (Shlisselburg), Aland Congress, space factor, Sweden

About the author:

Evgenii V. Anisimov — Doctor of Science (History), Chief Researcher, St. Petersburg Institute of History RAS; professor Research University Higher school of Economics (St Petersburg Branch), 197110, Russia, Saint-Petersburg, Petrozavodskaya st., 7. E-mail: vbrevis@yandex.ru.

Conflict of interest:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

Bushkovitch P. 2001. *Peter the Great: The Struggle for Power, 1671-1725*. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 485 p.

Ullman M. 2006. *Rysshärjningarna på Ostkusten sommaren 1719*. Stockholm: Norrköping. 183 p.

Wittram R. 1963. Die Unterwerfung Livlands und Estlands 1710. *Geschichte und Gegenwartsbewußtsein*. Historische Betrachtungen und Untersuchungen, Göttingen. S. 233.

Anisimov E.V. 2019. Peter the Great and the Foundations of his Eastern Policy [Petr Velikij i osnovy ego vostochnoj politiki]. *Petr I i Vostok. Materialy XI Mezhdunarodnogo petrovskogo kongressa. 2018 goda*. Saint Petersburg: Evropejskij Dom. P. 11-16. (In Russian)

Asker B. 2009. «Naciya, kotoroj nado pokazivat' zuby». Shvedskij vzglyad na Rossiyu vremen Petra Velikogo [«A Nation that Needs to Show its Teeth». Swedish View of Russia during the Time of Peter the Great]. *Poltava. The Fate of Prisoners and the Interaction of Cultures*. Ed. Toshtendal-Salycheva T. and Juno L. Moscow. (In Russian)

Bantysh-Kamensky N.N. 1902. *Obzor vneshnih snoshenij Rossii (po 1800 god) [Review of Russia's Foreign Relations (up to 1800)]*. Moscow. Ch. 4. (In Russian)

Fejgina S.A. 1959. *The Aland Congress. Russia's Foreign Policy at the end of the Northern War [Alandskij kongress. Vneshnyaya politika Rossii v konce evernoy vojny]*. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR. 546 p. (In Russian)

Feofan (Prokopovich). 1760. *Slova i rechi [Words and Speeches]*. Saint Petersburg. Part 1. P. 115. (In Russian)

Florovskij A.V. 1959. The Forgotten Appeal of Peter I to the Swedes after Poltava [Zabytoe vozzvanie Petra I k shvedam posle Poltavy]. *Poltava. K 250-letiyu Poltavskogo srazheniya*. Moscow. P. 359-362. (In Russian)

Koningsbrugge H. 2014. *Istoriya poteryannoj družby. Otnosheniya Gollandii so Shveciej i Rossiej v 1714 - 1725 gg. [The Story of a Lost Friendship. Dutch Relations with Sweden and Russia in 1714 - 1725]*. Saint Petersburg. (In Russian)

Korolyuk V.D. 1952. The Polish-Lithuanian Commonwealth and the Beginning of the Northern War [Rech' Pospolitaya i nachalo Severnoj vojny]. *Uchenye zapiski Instituta slavyanovedeniya*. Moscow. T. 5. P. 259-295. (In Russian)

Krylova T.K. 1959. The Gusum Negotiations on the Northern Peace and the Surrender of the Second Swedish Army of Stenbock in May 1713 [Guzumskie peregovory o severnom mire i kapitulyaciya Vtoroj shvedskoj armii Stenboka v mae 1713 g.]. *Poltavskaya pobeda: iz istorii mezhdunarodnyh otnoshenij nakanune i posle Poltavy*. Moscow. P. 186-208. (In Russian)

Severnaya vojna 1700-1721: k 300-letiyu Poltavskoj pobedy [The Northern War of 1700-1721: the 300th Anniversary of the Poltava Victory]. 2009. Ed. Bloodless L.G. and Kumanev G.A. Collection of documents. Moscow. Vol. 1 (1700-1709). (In Russian)

Shafirov P.P. 1987. *Rassuzhdenie o prichinah Svejskoj vojny. «Rossiyu podnyal na dyby» [Reasoning about the Causes of the Army War. "Raised Russia on its Hind Legs"]*. Moscow. Vol. 1. (In Russian)

The Campaigns of Charles XII. Zealand and Narva [Pohody Karla XII. Zelandiya i Narva]. 2014. Perevod so shved. Sholin O., nauch. red. Velikanov V.S., SHolin O. Moscow: Kniga. Tom 1. 136 p. (In Russian)

Ustryalov N.G. 1863. The History of the Reign of Peter the Great [Istoriya carstvovaniya Petra Velikogo]. Saint Petersburg: Tip. II- go Otdeleniya Sobstv. Ego Imp. Vel. Kancel'yarii. T. 4. CH. 1. 631 p. (In Russian)

Vasil'ev V.N. 1960. Ancient Fireworks in Russia (17 – the First Quarter of the 18 Century) [Starinnye Fejerverki v Rossii (XVII – pervaya chetvert' XVIII veka)]. Leningrad: Izd-vo Gos. Ermitazha. 58 p. (In Russian)

Vozgrin V.E. 1986. Russia and European Countries during the Northern War [Rossiya i evropejskie strany v gody Severnoj vojny]. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie. 296 p. (In Russian)

Литература на русском языке:

Анисимов Е.В. 2019. Пётр Великий и основы его восточной политики. Петр I и Восток. *Материалы XI Международного петровского конгресса*. 2018 года. Санкт-Петербург: Европейский дом. С. 11-16.

Аскер Б. 2009. «Нация, которой надо показывать зубы». Шведский взгляд на Россию времен Петра Великого. *Полтава. Судьбы пленных и взаимодействие культур*. Под ред. Тоштендаль-Салычевой Т. и Юнсона Л. Москва.

Бантыш-Каменский Н.Н. 1902. *Обзор внешних сношений России (по 1800 год)*. Москва. Ч. 4.

Васильев В.Н. 1960. *Старинные фейерверки в России (XVII – первая четверть XVIII века)*. Ленинград: Изд-во Гос. Эрмитажа. 58 с.

Возгрин В.Е. 1986. *Россия и европейские страны в годы Северной войны*. Ленинград: Наука. Ленинградское отделение. 296 с.

Конингсбрюгге Х. 2014. *История потерянной дружбы. Отношения Голландии со Швецией и Россией в 1714 – 1725 гг.* Санкт-Петербург.

Королук В.Д. 1952. Речь Посполитая и начало Северной войны. *Учёные записки Института славяноведения*. Москва. Т. 5. С. 259-295.

Крылова Т.К. 1959. Гузумские переговоры о северном мире и капитуляция Второй шведской армии Стенбока в мае 1713 г. *Полтавская победа: из истории международных отношений накануне и после Полтавы*. Москва. С. 186-208.

Походы Карла XII. Зеландия и Нарва. 2014. Перевод со швед. Шолин О., науч. ред. Великанов В.С., Шолин О. Москва: Книга. Том 1. 136 с.

Северная война 1700-1721: к 300-летию Полтавской победы. 2009. Под ред. Бескровного Л.Г. и Куманева Г.А. Сб. документов. Москва. Т. 1 (1700-1709 гг.).

Устрялов Н.Г. 1863. *История царствования Петра Великого.* Санкт-Петербург: Тип. II Отделения Собств. Его Имп. Вел. Канцелярии. Т. 4. Ч. 1. 631 с.

Фейгина С.А. 1959. *Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце еверной войны.* Москва: Изд-во Акад. наук СССР. 546 с.

Феофан (Прокопович). 1760. *Слова и речи.* Санкт-Петербург. Ч. 1.

Флоровский А.В. 1959. Забытое воззвание Петра I к шведам после Полтавы. *Полтава. К 250-летию Полтавского сражения.* Сб. ст. Москва. С. 359-362.

Шафиров П.П. 1987. *Рассуждение о причинах Свейской войны. «Россию поднял на дыбы».* Сб. мат-лов. Москва. Т. 1.